

408	0282	АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ	"На чужом пиру"
-----	------	--------------------	-----------------

"На чужом пиру" (Коренблит – Коринфский)

1. Волшебный дар небес - 2.10
2. Весёлый карнавал - 1.12
3. Летучий маскарад - 1.35
4. На чужом пиру - 5.01
5. Жаль мне вас - 1.21
6. И я люблю - 1.19
7. Христос Воскрес! - 2.56
8. Мимолётность - 1.32
9. Красная весна - 4.00
10. Красная весна – 2 - 2.35
11. Красная весна – 3 - 3.57
12. Несётся поезд - 2.16
13. Волги простор - 1.34
14. Жигули - 1.38
15. Предчувствие покоя - 1.18
16. Жатва - 2.04
17. В полях - 1.06
18. Ожидание чуда - 2.11
19. Но жив мой Бог - 1.32
20. О старом богатыре - 2.24
21. Святогор - 3.05
22. Родная быль - 1.12
23. Молчанье - 1.18
24. Поздно! - 1.31
25. Круговорот - 1.43
26. В тумане - 2.26
27. Во дни безвременья - 2.10

Общее время звучания – 57.20

СОДЕРЖАНИЕ

1. Волшебный дар небес

Как звёзд, далеких звёзд, не счесть ночной порою,
 Когда в чертог небес – бледна и холодна –
 В венце своих лучей, неслышную стопою
 Взойдёт луна;

Как не исчерпать зла, которым знаменуют
 Дни равномерное течение времён;
 Как не сдержать ветров, когда они бушуют
 Со всех сторон, –

Так не постичь умом мечты певца мятежной,
 Когда с дрожащих уст – наперекор судьбе –
 Срывается волна поэзии безбрежной,
 Неся в себе

Волшебный дар небес – дар творчества победный,

Понятный для певца, не зримый никому,
И тихо льётся песнь, как свет лампы бледный
В ночную тьму...
Между 1889 и 1893

2. Весёлый карнавал

Огни, цветы и маски,
Пьеретты и Пьеро...
Алмазы, а не глазки;
Не смех, а серебро!
Лукавый Мефистофель
К наивности самой
Склоняет резкий профиль,
Обвив ей стан рукой.
Глядят полишинели
На них со всех сторон –
Под вздох виолончели,
Под скрипок томный стон...
Мандола, мандолина,
И флейты, и фагот;
И ширится картина,
И вихорь-вальс растёт...
Не слушая оркестра,
Несётся пёстрый бал,
И правит им маэстро –
Весёлый карнавал...

3. Летучий маскарад

То площадь или море?
И смех, и крик, и гул,
И пламя в каждом взоре,
И на сердце разгул.
Плащи, мантильи, маски,
Пьеретты и Пьеро, –
Смешалось в буйной пляске
Всё шумно и пестро.
Блестят с балконов взоры;
Цветов и фруктов град
Посыпали синьоры
В летучий маскарад.
За ними – и confetti
Ударила картечь...
Монтекки с Капулетти
То не ведут ли речь?!.
О нет! Борясь с истомой,
На свой турнир созвал –
С враждою незнакомый –
Весь город карнавал...
22 января 1895

4. На чужом пиру

Пир – горой... В пылу разгула
Льются волнами слова;
У честных гостей от гула
Закружилась голова.
Речи буйные сменяя.
По столам – полным-полна –
Ходит чаша круговая
Чудодейного вина.
Кто хоть выпьет, хоть пригубит –
Словно горя не видал;
Как зазноба, всех голубит
Хмель под сводом ярких зал...
На пиру всем честь и место –
Только, песня, нет тебе,
Вдохновенных дум невеста
И сестра мне по судьбе!
Только мы одни с тобою
Обойдённые стоим:
Ты кручинишься со мною,
Я – горю огнём твоим...
Но недаром пьяной чашей
Обнесли нас на пиру –
С простодушной музой нашей
Не пришлись мы ко двору!
Здесь поют певцы другие –
Пира шумного льстецы,
От разгула не впервые
Захмелевшие певцы...
Где царит одна услада,
Не знававшая тоски, –
Там с тобою нас не надо,
Мы для всех там – чужаки!
Место наше – за порогом
Этих праздничных хором;
По просёлочным дорогам
Мы, сестра, с тобой пойдём...
Мы послушаем, поищем,
Что и как поют в глуши;
С каждым путником и нищим
Погуторим от души...
Перехожею каликой,
Скоморохом-гусяром
Мы по всей Руси великой
С песней-странницей – вдвоём.
По деревням и по сёлам
Расстиляется наш путь.
Нам, и грустным и весёлым,
Будет рад хоть кто-нибудь...
Гой вы гусли! Гей вы мысли!
Гой ты струн гусельных строй!
Что вам тучи, что нависли
Над победной головой?!

Гряньте песню дружным ладом,
Как певали в старину, –
Русским словом, русским складом
Подпевать я вам начну...
Здравствуй, удаль! Здравствуй, воля –
Воля вольная!.. Авось
На просторе наше поле
Клином в поле не сошлось!..
1894

5. Жаль мне вас

Бледное, чахлое утро туманное
Робко встаёт над безмолвной столицей;
Скоро проснётся и солнце румяное
Вместе с толпою рабов бледнолицей...

В тёмных подвалах, в палатах блистательных
Снова застонет нужда беспощадная –
Бич всех людей идеально-мечтательных,
Злая, больная, жестокая, жадная...

Жаль мне вас, дети нужды истомлённые,
Жаль мне и вас, дети праздности чванные,
Жаль мне и дни беспросветно-туманные,
Жаль мне и песни, в тумане рождённые...
Между 1889 и 1893

6. И я люблю

В стенах неволи городской
Кончая хмурый день печальный,
С какой безвыходной тоской
Я вспомнил плеск реки кристальной,
Повисший над обрывом сад,
Берёз развесистые сени,
В старинном доме комнат ряд,
Террасы шаткие ступени,
Поля, луга... Как будто вдруг –
Под стон озлобленной столицы –
Перечитал мне старый друг
Забытой повести страницы...
Казалось мне: в степной глуши
Я вновь живу, – поля родные
Со мной беседуют в тиши
И мне внимают как живые;
И я люблю, люблю впервые,
Всем юным трепетом души!..
Между 1889 и 1893

7. Христос Воскрес!

Светозарною весною –
Днём и в поздний час ночной –
Много песен раздаётся

Над родимой стороной.
Много слышно чудных звуков,
Много вещих голосов –
Над полями, над лугами,
В полутьме глухих лесов.
Много звуков, много песен, –
Но слышней всего с небес
Раздаётся весть святая,
Песня-весть – "Христос Воскрес!.."

Покидая свой приют,
Над воскресшею землёю
Хоры ангелов поют;
Пенью ангельскому вторят
Вольных пташек голоса,
Вторят горы, вторят доли,
Вторят тёмные леса, –
Вторят реки, разрывая
Цепи льдистые свои,
Разливая на просторе
Белопенные струи...
Есть старинное преданье,
Что весеннею порой –
В час, когда мерцают звёзды
Полуночную игрой, –
Даже самые могилы
На святой привет небес
Откликаются словами:
"Он воистину воскрес!.."

8. Мимолётность

Безотчётные порывы
Мимолётного волнения,
Мимолётные приливы
Безотчётного томленья!

Грёзы юности желанной,
Отблеск страсти пережитой,
Свет весны моей туманной,
Безо времени забытой, –

Всё мелькает предо мною
В них нестройной вереницей –
Потухающей зарею,
Отдалённую зарницей...

Нет вам смены, нет забвенья,
Мимолётные порывы
Безотчётного волнения!
Для меня полны значенья
Безотчётные приливы
Мимолётного томленья!..

31 июля 1890

9. Красная весна

То не белая купавица
Расцвела над синью вод –
С Красной Горки раскрасавица
Ярью-зеленью идёт.
Пава павой, поступь ходкая,
На ланитах – маков цвет,
На устах – улыбка кроткая,
Светел-радошен привет.
Красота голубоокая, –
Глубже моря ясный взгляд,
Шея – кипень, грудь высокая,
Руса косынька – до пят.
Летник – празелень, оборчатый –
Облегает стройный стан;
Голубой под ним, узорчатый
Аksamитный сарафан...
За повязку, зернью шитую,
Переброшена фата:
Ото взоров неукрытою
Расцветает красота...
Ни запястий, ни мониста нет,
Ожерелий и колец;
И без них-то взглянешь – выстынет
Сердце, выгорит вконец!
Следом всюду за девицею –
Ступит красная едва –
Первоцветом, медуницею
Запестреет мурава.
Где прошла краса – делянками
Цвет-подснежник зажелтел;
Стелет лес пред ней полянками
Ландыш, руту, чистотел...
В тёмном лесе, на леваде ли,
По садам ли – соловьи
Для неё одной наладили
Песни первые свои...
Чу, гремят: "Иди, желанная!
Будь приветлива-ясна!
Здравствуй, гостя богоданная!
Здравствуй, Красная Весна!.."

10. Красная весна - 2

Знай спешит, идёт без роздыху
Раскрасавица вперёд:
От неё – волной по воздуху –
Радость светлая плывёт.
Птичьи песни голосистые
Переливами звенят,

Травы-цветики душистые
Льют медвяный аромат.
Сыплет солнце дань богатую –
Злато-серебро лучей –
В землю, жизнь тороватую, –
Ослепляет взор очей;
Проникают в глубь подземную.
Чудодейно-горячи, –
Выгоняют подъяремную
Силу вешнюю лучи.
Выбивает сила волнами,
Расплывается рекой, –
Силу пригоршнями полными
Черпай смелою рукой!
Набирайся мочи на лето
По весне, родимый край!
Всюду силы столько налито, –
Сила плещет через край!..
То не заревом от пламени
Утром пышет даль, горя, –
В зеленеющие рамени
Льются золота моря.
Лес дремучий, степь раздольная,
Хлебородные поля, –
Дышит силой вся привольная
Неоглядная земля...
Что ни день – то ароматнее
Духовитые цветы;
Что ни пядь – всё необъятнее
Чары вешней красоты...
Всё звончей, звончей крылатая
Песня в честь её слышна:
"Расцветай, красой богатая, –
Царствуй, Красная Весна!.."

11. Красная весна - 3

В полном цвете раскрасавица,
Заневестилась совсем, –
Всем купавицам – купавица,
Алый розан – розам всем!
Закраснелся лес шиповником,
В незабудках – все луга,
Розовеет степь бобовником;
В небе – радуга-дуга.
Время к Троице... Далёко ли
Праздник девичий – Семик!
По низинам ли, высоко ли –
Всюду зелен березник...
Заплетать венки бы загодя
Красным девушкам себе, –
Уж гадать пора на заводи
О негданной судьбе!

Вётлы – полны чёрным галочьем;
Возле вётел, в тальнике,
Ночью выкликом русалочьим
Кто-то кличет на реке...
Впрямь – русалки по-над водами
Пляс заводят по ночам,
Тешат сердце хороводами
На соблазн людским очам.
То они порой вечернею,
Выплывая там и тут,
Над водой, повитой чернию,
Зелень кос своих плетут...
Семь ночей – в Семик – положено
Вспоминать былое им, –
Так судьбою наворожено,
А не знахарем мирским!
Семь ночей им – в волю вольную
Петь-играть у берегов,
Жизнь посельскую-попольную
Зазывать к себе с лугов...
И по логу неоглядному
Семь ночей их песнь слышна:
"Уступай-ка лету страдному
Царство, Красная Весна!"
20 апреля 1895

12. Несётся поезд

Несётся поезд... Дым змеистый
Клубами тает позади,
Картиной яркой и лучистой
Даль развернулась впереди...

Ручьёв серебряных извивы
Мелькают всюду предо мной,
Кустов щетинистые гривы
Плывут зелёною волной;

Водой размытые долины
Хранят остатки снежных гор;
Толпятся сосны-исполины,
Взбежав на каменный бугор;

Лучей полдневных позолота
Слегка покрыла небеса,
И мхом одетые болота,
И темнокудрые леса...

И ни начала, ни конца нет
Гирляндам серых деревень, –
Родная глушь невольно манит
В свою задумчивую сень...

Несётся поезд... Обгоняя,
Летит мечтаний бледный рой –
Как птиц встревоженная стая
Передрассветною порой...

Что их влечёт в простор лазурный,
Что их зовёт в немую даль?
Затишья сонного печаль,
Волненья ль прошлой жизни бурной?!

Их не догнать! Из душных стен,
На миг отрящи прах столицы,
Летят, забыв недавний плен,
Их окрылённые станицы...

Куда летят? Зачем, к кому?!
Не всё ль равно! Вернуться снова
Им суждено в свою тюрьму
От неба ясно-голубого,

От этих ласковых долин,
От хвойных стен лесов унылых,
От грустных северных картин,
Вдвойне больному сердцу милых...
10 мая 1892

13. Волги простор

...Жигули, Жигули!..
И – опять предо мной
К облакам вознесли
Горы лес вековой.

Взоры верхом скользят –
От скалы до скалы,
Где лишь тучки парят
Да ширяют орлы.

Люб им Волги простор –
Белопенная гладь,
Зеленеющих гор
Красота-благодать.

Здесь пред ними встаёт
За курганом курган,
Где (гуторит народ)
"Думу думал Степан",

Где бессудным судьей
Разин правил свой суд,
Где о воле родной
Бури песни поют...
Июнь 1896

14. Жигули

Котловины между гор – что чаши,
Зеленым вином налитые с краями...
Где места привольнее и краше?
Что красой сравнится с Жигулями?!

Высоко взобрались на шиханы
Тёмных сосен траурные гривы;
Низко-низко на берег песчаный
Плещут волн, певучих волн приливы...

По буграм – разросся лес дремучий;
По-над лесом – гребни да утёсы...
Каждый раз, над ними встретясь с тучей,
Ветер ей об них расчешет косы,
Словно хмельный, ходит Жигулями...

А они – всё выше да всё краше...
Ходит ветер валкими шагами, –
Ходит он от чаши к новой чаше,
Зеленым вином наполненной с краями...
1894

15. Предчувствие покоя

К пустынному приволью
Склонился небосклон;
Душистый воздух смолюю
И зноем напоён.

Ни зверя и ни птицы
Среди прямых стволов;
Над ними – вереницы
Жемчужных облаков.

Пески, да мхи, да хвоя
В безлюдной стороне.
Предчувствие покоя –
В природе и во мне!..
22 июля 1896

16. Жатва

Чутко дремлет в полях недожатая рожь,
С нетерпеньем жнецов дожидается;
Побурел-пожелтел шелковистый овёс,
Точно пьяный от ветру шатается.
Нарядилась гречиха в цветной сарафан
И белеет над горными скатами....
Ветерок, пробегая хлебами, шумит:
"Будем золото гресть мы лопатами!.."

Солнце красное сыплет лад грудью земли,

Над рабочей ратью могучею,
Золотые снопы искромётных лучей,
Ни на миг не скрываясь за тучею...
Улыбается солнце... До ясных небес
С нивы песня доносится женская...
Улыбается солнце и шепчет без слов:
"Исполать тебе, мощь деревенская!.."
25 мая 1892

17. В полях

Еду я, еду... Везде предо мной
Чахлые нивы родимые
Стелются мертвенно-бледной волной,
Солнца лучами палимые...
Колос пустой от межи до межи
Перекликается с колосом;
Нудится: кто-то над волнами ржи
Стонет пронзительным голосом...
Слышится ропот тревоги больной,
Слышатся слёзы смирения, –
Это рыдает над нивой родной
Гений труда и терпения!..

18. Ожидание чуда

Ты прав, мой друг: мы все чудес ждём в эти дни
На сумрачной земле, забытой небесами;
Но мы не верим в них, – там, где и есть они,
Во имя Знания их разрушая сами.

Непостижимого чарующий туман
От жизни отогнав, постигнув смысл загадок,
Мы поздно поняли, как нужен нам обман,
Нас возвышающий, как он безмерно сладок!

Томясь безверием под кровом душевной тьмы,
Ни проблеска зари не видя ниоткуда,
Мы ждём так искренно, так страстно жаждем мы
Какого ни на есть, но только чуда, чуда...

Так в дни бездождия ждёт вечера земля,
Чтоб хоть роса её собою освежила;
Зимой бесснежною так вьюги ждут поля,
Чтоб снегом их она от холода прикрыла!..
1895 или 1896

19. Но – жив мой Бог

Болото – жизнь засасывает тиной;
Но я иду, ещё иду, по ней, –
Охваченный стоячею трясинной,
Иду на свет блуждающих огней.
День ото дня слабеет сила воли,
Сильнее всё – страстней зловещий хор, –

Хотя ещё горит душа от тайной боли,
И сердце ждёт чего-то до сих пор...
Как ни смешны, ни жалки упования,
Рождённые в болотной темноте,
Но – жив мой Бог, пока горят в мечте,
Исполненной безумного желанья,
Недосягаемо-глубокие страданья
По возвышающей до неба Красоте!..

20. О старом богатыре

Стародавние былины,
Песни родины моей!
Породили вас равнины,
Горы, доли, даль полей.
Ширь, размах, захват глубокий –
Всё звучит в вас, всё поёт,
Как в забытый край далёкий –
В глубь былых веков зовёт...
Песнотворцев древних ладом
Убаюкивает слух,
Дышит зноем, веет хладом
Струн гусельных русский дух.
Вижу я: седое время
Восстаёт в лучах зари;
Вижу – едут, стремя в стремя,
О конь конь, богатыри.
Шишаки, щиты, кольчуги,
Шестопёры, кистени,
Самострелы, шелепуги,
Копий лес... В его тени –
Волх Всеславьевич с Добрыней,
Ставр, Поток, Алёша млад,
Стар Илья – седой, что иней,
Всем хоробрым – старший брат;
А за ним – ещё, ещё там
Богатырь с богатырём;
Все стоят стеной-оплотом
Перед вражьем рубежом.
Словно сталь – несокрушимый,
Окрылённый духом строй...
Кто же в нём из всех любимый
Богатырь заветный мой?!.

21. Святогор

В старину Святогор-богатырь,
Чуя силу в себе дерзновенную,
В час недобрый надумал рукой
Приподнять-опрокинуть вселенную.

И на борзом своём скакуне
Он поехал в пугину немалую, –
Едет тягу земную искать,

Видит гору вдали небывалую...

"Уж не здесь ли?!" И плёткой коня
Он ударил рукою могучею, –
Конь взлетел, словно птица, наверх
И как вкопанный встал по-над кручею...

Слез с седла богатырь Святогор, –
Хоть бы птица кругом перелётная!
Ни души... Только смотрит: пред ним
Словно сумка лежит перемётная...

Поклонился земле богатырь,
Хочет сумку поднять – не ворохнетя...
Что за диво! Ни взад, ни вперёд,
А вокруг ветерок не шелохнется...

Понатужился – пот в три ручья
Покатился с лица загорелого,
И тревога за сердце взяла
Святогора, воителя смелого...

"Что за нечисть!.. Так нет же, умру,
А не дам надругаться над силою!.."
И опять приналёг богатырь –
И гора стала силе могилою:

Где стоял, там он в землю ушёл,
Не сдержав богатырского норова,
Вместе с тягой земною в руках...
Там – и место теперь Святогорово!..

На горе на крутой до сих пор –
Там, где бездна-овраг разверзается, –
Камень-конь своего седока
Больше тысячи лет дожидается...

А кругом – только ветер шумит,
Ветер песню поёт неизменную:
"Не хвалился бы ты, Святогор,
Приподнять-опрокинуть вселенную!.."
14 ноября 1893

22. Родная быль

Родная быль не спит в могиле:
Былым Святая Русь крепка, –
Его лучей не угасили
Над ней ни годы, ни века...

Былое – было... Будь – что будет,
Всему на свете – стать былым!

Настанет день – судьба разбудит
Всех спящих сном пережитым...

И внемля "гласам вопиющим"
В глухом безмолвии пустынь,
Былое скажется в грядущем
Над прахом погранных святынь...

23. Молчанье

Молчанье, молчанье...
Другого не будет
Ответа!
А кто-то так жаждет привета...
Нет, в сердце его не пробудит
Признание...
В холодной могиле
Все чувства, все страсти
Былого!
И к жизни не вызвать их снова
Ничьей очарованной власти
И силе...
О, если б желанье...
Но нет, не пробудит
Желаний
Поэзия поздних признаний!
Ответом одним только будет
Молчанье...
14 июня 1896

24. Поздно!

Поздно! Цветы облетают,
Осень стучится в окно...
Поздно! Огни догорают,
Завечерело давно...

Поздно... Но что ж это, что же, –
С каждой минутой светлей,
С каждым мгновеньем дороже
Память промчавшихся дней!..

В сердце нежданно запала
Искра живого тепла:
Всё пережить бы сначала
И – догореть бы дотла!..
10 октября 1894

25. Круговорот

Летят часы... За ними вслед –
Как призрачная тень –
Бежит зари вечерней свет,
И гаснет шумный день...

И меркнет день... И ночь кругом.
И ночь, и мрак, и тишь.
И сном большим, тревожным сном,
Ты гредишь, а не спишь...

Уходит ночь за грани гор,
Проснулись поля,
В волшебный утренний убор
Оделася земля...

Заря румяная горит
На бархате небес;
Росой посеребрённый щит
Встряхнул зелёный лес...

И – разогнав обрывки туч
В синеющую даль –
Прорезал солнца знойный луч
Ночных небес эмаль...

Опять растёт в груди порыв,
Опять томит покой,
Опять хандра, опять прилив
Тоски моей больной...
Между 1889 и 1893

26. В тумане

И вот опять ползут косматые туманы
Из северных болот и сумрачных лесов,
Покинув нехотя просторные поляны
Для тесной суеты шумливых городов...

Задёрнуты с утра какой-то мутной мглою
Огромные дома, сады и острова,
Гранитные дворцы над смолкшею рекою
И в латах ледяных красавица Нева...

И снова целый день по улицам туманным
Брожу я, затаив в груди печаль свою,
И – как больной в бреду – в своём кошмаре странном
Ни близких, ни врагов кругом не узнаю...

Худые, бледные, измученные лица
Повсюду предо мной мелькают; из-за них
Глядит в мои глаза туманная столица
Зрачками мутными несчастных глаз своих...

И думается мне: весь этот город шумный
Внезапно заболел, и бред его больной,
Сливаясь с моей тоскою многодумной,
Звучит во мне самом и гонится за мной...

19 декабря 1891, С.-Петербург

27. Во дни безвременья

Ослеп наш дряхлый век, и, как слепец несчастный,
Бредёт он наугад, окутан дымной тьмой;
И кажется ему весь божий мир прекрасный
Огромною тюрьмой...

Ни солнце Истины на небе мироздания,
Ни звёзды яркие Добра и Красоты
Не светят для него, – не льют благоуханья
Живой Любви цветы.

Забыл наш хмурый век надежды молодые,
Не вспомнить старику о радужных мечтах, –
Встречает он теперь все радости земные
С печалью на устах.

Больной, угрюмый век, – бредёт впотьмах несчастный,
И некому слепца седого довести
Рукою любящей, рукою смелой, властной
До нового пути.

А этот новый путь лежит так недалёко;
Над ним не меркнет свет борьбы с житейской тьмой;
И мир, вокруг него раскинувшись широко,
Не кажется тюрьмой...
1894